

А. И. ГЕРЦЕН

(ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ)

Стенограмма публичной лекции
профессора М. Т. ИОВЧУКА,
прочитанной 23 января 1945 года
в Коммунистической аудитории
Московского ордена Ленина
Государственного университета
имени М. В. Ломоносова

А. И. ГЕРЦЕН

(ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ)

Стенограмма публичной лекции
профессора М. Т. ИОВЧУКА,
прочитанной 23 января 1945 года
в Коммунистической аудитории
Московского ордена Ленина
Государственного университета
имени М. В. Ломоносова

А 16140

Тираж 20.000 экз.

Заказ 1212

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

21 января 1945 года исполнилось 75 лет со дня смерти Александра Ивановича Герцена (1812—1870).

Великий русский народ с полным основанием может гордиться Герценом как одним из выдающихся мыслителей и революционеров своего времени, славным предшественником русской социал-демократии.

120 лет тому назад, после подавления восстания декабристов, 13-летний Герцен поклялся продолжать их дело. Уже в юности он проникся революционными идеями Радищева и декабристов и стал следовать их славным материалистическим и освободительным традициям. Впоследствии Герцен писал о своих идейных предшественниках: «А. Радищев смотрит вперёд. На него пахнуло сильным влиянием последних лет XVIII века... Его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов. И чтобы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать в первых стихотворениях Пушкина, в «Думах» Рылеева и в собственном нашем сердце».

14 декабря 1825 года открыло в истории русской общественной мысли новую эпоху, одним из замечательных деятелей которой был Герцен. «14 декабря,— писал Герцен,— действительно открыло новую фазу нашему политическому воспитанию. С высоты своих виселиц эти люди разбудили душу у нового поколения — повязка спала с его глаз».

Под руководством Герцена и Огарёва в стенах Московского университета зародился революционный студенческий кружок, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в пробуждении нескольких поколений русского общества для борьбы против царизма и крепостничества.

Герцен с юных лет проявлял необычайный интерес к самым разнообразным областям человеческого знания и деятельности.

Ещё будучи студентом, он начал интересоваться естествознанием и по выходе из Московского университета получил звание кандидата естественных наук. Наряду с этим он серьёзно занимался литературным творчеством и публицистикой. Такие произведения Герцена, как «Былое и думы», «Кто виноват?», «С того берега», «Письма из Франции и Италии» и другие, входят в золотой фонд не только русской, но и мировой литературы.

Герцен чрезвычайно интересовался вопросами философии, психологии и логики. Если мы обратимся к его «Письмам об изучении природы», «Дилетантизму в науке» и целому ряду других работ, то увидим, что Герцен выступает в них как крупный мыслитель, тонкий психолог, замечательный новатор в области логики.

Но если круг научных интересов Герцена был крайне разносторонним, если Герцен интересовался и занимался философией, естествознанием, литературой, психологией, логикой, то альфой и омегой его деятельности, вопросом жизни для Герцена был прежде всего вопрос о судьбе России, вопрос о свободе и счастье русского народа. На службу этой великой цели была поставлена вся его деятельность. В течение 40 лет Герцен стремился найти и обосновать пути общественного движения, по которым можно будет привести русский народ к свободе и счастью, а Россию поставить на один уровень с передовыми в то время странами Западной Европы.

Вступив ещё в 30-х годах прошлого столетия на путь общественно-политической революционной деятельности, Герцен в течение последующих десятилетий беззаветно и преданно служил русскому народу, революции, социализму.

Можно с полным основанием подразделить философский и политический путь, пройденный А. И. Герценом, на три периода.

Первый период — это 1830—1847 годы, период пребывания Герцена в России, значительную часть которого поглотили ссылки и преследования со стороны царского правительства. В этот период Герцен по своим политическим убеждениям был просветителем, врагом абсолютизма и крепостничества. Он возлагал ещё большие надежды на западноевропейский утопический социализм. По своим философским взглядам Герцен уже в этот период был убеждённым материалистом.

Второй период — с 1848 по 1861 год. Герцен был живым свидетелем революции 1848 года во Франции и Германии и революционной ситуации в России конца 50-х годов, приведшей к отмене крепостного права (1861 год).

В Европе Герцен стал свидетелем чудовищной расправы объединённых сил феодальной реакции и буржуазной контрреволюции над восставшим рабочим классом и трудящимися массами. Это событие положило конец утопическим иллюзиям Герцена о возможности осуществления надклассовой демократии, всеобщего благоденствия и мирного перехода к социализму. Оно явилось причиной той «духовной драмы», которую пережил Герцен в конце 40-х—начале 50-х годов прошлого века.

Став политическим эмигрантом, Герцен явился основателем так называемого русского социализма; все свои помыслы, надежды и чаяния он посвятил делу подготовки русской революции. Герцен основал в Лондоне Вольную Русскую типографию,

издавал альманах «Полярная Звезда», а затем газету «Колокол», при помощи которых он обращался из-за границы к передовым слоям русской общественности. В 50-х годах Герцен иногда колебался между революционным демократизмом и либерализмом. Но каждый раз революционный демократизм брал у Герцена верх над либеральными иллюзиями.

Третий период в жизни Герцена — 60-е годы прошлого века, период после отмены крепостного права, когда Герцен в связи с развитием крестьянского движения в России увидел революционный народ в России и окончательно и бесповоротно стал на сторону демократии. В 60-х годах Герцен обосновывал возможность социализма, который, по его мнению, вырастает на Западе из рабочего движения и рабочей революции, а в России — из крестьянской революции и сельской крестьянской общины. Герцен в эти годы окончательно порвал со всякими либеральными утопиями и иллюзиями и наряду с Чернышевским возглавил лагерь революционной демократии в России.

* * *

Иногда говорят, что Герцен вначале был идеалистом и лишь впоследствии стал материалистом. Следует пересмотреть эту точку зрения. Герцен никогда не был настоящим идеалистом в философии. Если взять самые ранние работы Герцена — «О месте человека в природе», его кандидатскую диссертацию «Аналитическое изложение системы Коперника», — то мы увидим, что уже в этих работах Герцен следовал, с одной стороны, материализму Бэкона, с другой стороны, разделял диалектические идеи натурфилософии М. Павлова, Велланского. Уже в этот ранний период Герцен был стихийным материалистом естественно-научного толка. Нередко ставится вопрос об идейных истоках мировоззрения Герцена, о том, кто был его учителем в философии, кто определил его мировоззрение. По этому вопросу есть немало различных и весьма противоречивых точек зрения. Одни говорят, что учителями Герцена были французские социалисты-утописты, другие считают, что Герцен учился главным образом у немецких философов-идеалистов, третьи полагают, что Герцен вырос из французского просвещения XVIII века.

Действительно, Герцен не оставил без внимания ни одного из современных ему философских и социально-политических учений. Но Герцен как мыслитель вырастал прежде всего из идейного наследия Радищева и декабристов. Поскольку последние учились у французских просветителей, стремясь применить их идеи к русским условиям, Герцена можно рассматривать как продолжателя дела французского просвещения. Но вместе с тем Герцен не мог не обратить внимания на достижения более позднего времени — на французский утопический социализм и немецкую классическую философию. Философский материализм Ломоносова и Радищева, английский и француз-

ский материализм XVII — XVIII веков, немецкая классическая философия помогли Герцену создать свою философскую материалистическую систему, оплодотворённую диалектикой. Декабристы и французские социалисты-утописты помогли ему проникнуться верой в неизбежность наступления справедливого общественного строя, при котором не будет эксплуатации и порабощения человека человеком, не будет нужды и социальной несправедливости.

Уже к началу 40-х годов Герцен сформировался как убеждённый материалист и сторонник диалектического метода развития. В «Дилетантизме в науке», а затем в «Письмах об изучении природы» Герцен обосновывает свою диалектику, принципиально отличную от диалектики немецкого идеализма, и свой материализм, который во многом отличается от материализма современников Герцена, в частности от материализма Фейербаха.

В. И. Ленин называл Герцена величайшим мыслителем своего времени. «В крепостной России 40-х годов XIX века, — писал Ленин, — он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошёл дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошёл к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

Диалектический метод Герцена с полным основанием может рассматриваться как «алгебра революции». В философии Герцена больше, чем в какой-либо другой философской системе до Маркса, диалектика служила теоретическим обоснованием революционных изменений в общественной жизни.

Нет необходимости доказывать, что Герцен первое время многому учился у Гегеля, что Герцен усвоил взгляды Гегеля о движении и развитии, о всеобщей связи и взаимозависимости, о противоречии как источнике движения. Но уже в первых философских работах Герцена, написанных в 1842—1845 годах, т. е. в «Дилетантизме в науке» и в «Письмах об изучении природы», одним из главных мотивов является критика немецкого идеализма. Уже в 1844 году Герцен писал: «Гегель показал предел, далее которого германская наука не пойдёт».

Герцен выступил против мистицизма немецких идеалистов, против их попыток рассматривать мир как творение высшего начала.

Разоблачая буддистов в науке, за которыми нетрудно уви-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV. стр. 464—465.

деть правоверных гегельянцев, Герцен писал: «Мёртвое уничтожение в бесконечном считают свободой и целью, и чем выше поднимаются в морозные сферы отвлечений, отрываясь от всего живого, тем спокойнее себя чувствуют». Этому мёртвому уничтожению всего сущего «в морозной сфере отвлечения» Герцен противопоставляет исследование природы, анализ живой окружающей нас действительности.

Герцен выступает вместе с тем и против расплывчатого немецкого дуализма, нашедшего своё особенно яркое выражение как в философии Канта, так и у Гегеля. Он говорит, что этот расплывчатый дуализм хочет увести человечество, его прогрессивные, передовые силы от борьбы за преобразование мира. Герцен доказывал, что немецкий дуализм чужд русским мыслителям-революционерам.

«Мысль, знание, убеждение, догма,— писал Герцен,— никогда не остаются у нас в состоянии отвлечённой теории, не стремятся замкнуться в академическом монастыре или скрыться в шкапу учёного рядом с разными ядами; наоборот, ещё не созрев, они слишком стремительно бросаются в практическую жизнь, желая прыгнуть со сдвинутыми ногами от vestibюля к концу арены. Мы можем долго жить в состоянии морального оцепенения и умышленной спячки, но раз мысль проснулась, если она не падёт сейчас же под бременем гнетущей тяжести, если выдержит оскорбление и невнимание раздавливающей среды, опасность и пренебрежение,— она спешит смело дойти до последнего вывода, потому что в нашей логике нет ограничений, являющихся следствиями и следами зарубцевавшегося, но не исчезнувшего прошлого.

Расплывчатый дуализм немцев, которые знают, что жизнь в теории не совпадает с практическими сферами, и мирятся на этом, совершенно антипатичен русскому духу».

Это утверждение Герцена является, безусловно, верным. Русским революционно-демократическим мыслителям был чужд немецкий дуализм, отрыв теории от практики, философии от политики.

Борясь против гегелевского отрыва теории от практики, Герцен высказал гениальную мысль о диалектическом взаимоотношении теории и практики.

«Теорию с практикой,— писал Герцен в своём дневнике,— в деле отрицания примиряет революция. В ней отрицание не личное, не исключительное, не на выбор, не уклонение, а открытое противодействие старому и водворение нового».

Было бы поэтому совершенно неверно свести диалектику Герцена к диалектике Гегеля. Диалектика Герцена принципиально отличается от диалектики Гегеля. Она представляет собой более высокую ступень диалектического мышления в сравнении с диалектикой Гегеля и построена на совершенно других основах, чем диалектический метод Гегеля.

Если, по Гегелю, основой всего сущего являются движение и самопознание абсолютной идеи, а природа и общество рассматриваются лишь как прикладная логика, как проявление этой идеи, то Герцен во всех своих работах утверждает, что единственным источником развития и познания являются природа и общество, их жизнь.

Материалист Герцен неоднократно доказывал, что природа и общество настолько велики, что они не нуждаются в том, чтобы их основой была какая-то абсолютная идея. Природа и общество, утверждает Герцен, даны априори, до всякого опыта, до всякой идеи. Они не нуждаются в том, чтобы их рассматривали как прикладную логику, произведение абсолютного духа.

Уже в этом коренном вопросе об источнике всякого познания, о происхождении человеческой мысли, Герцен исходит из прямо противоположных посылок, чем Гегель. Природа и общество у него — не прикладная логика, они не нуждаются в какой-то неземной основе вроде абсолютного духа.

Если Гегель полагал, что человеческое сознание только фиксирует моменты движения и самопознания абсолютной идеи, то, по мнению Герцена, человеческое сознание отражает существование вне человека и его ощущений «многообразного множества» материальных предметов. «Вне человека, — говорит Герцен, — существует до бесконечности многообразное множество частных, смутно переплетённых между собою».

Материальные предметы носят в себе характер самобытности, независимости от человека; они были тогда, когда его не было; им нет до него дела. По мысли Герцена, физический мир несотворим и неуничтожим. Таков краеугольный камень, из которого исходит диалектика Герцена.

Если Гегель, изменяя своему диалектическому методу, считал, что развитию приходит конец, что оно в известном пункте должно остановиться, то, с точки зрения Герцена, ни в природе, ни в обществе развитие никогда не остановится. «Но знаете ли вы, — писал Герцен, — что в самой природе, в этом вечном настоящем без раскаяния и надежды, живое, развиваясь, беспрестанно отрекается от миновавшей формы, обличает неестественным тот организм, который вчера вполне удовлетворял».

Хотя Гегель и полагал, что источником всякого развития является борьба внутренних противоречий, но он утверждал вместе с тем, что снятие противоречия происходит не через преодоление, а через примирение его различных сторон. Герцен был более последователен в трактовке борьбы внутренних противоречий, чем Гегель. Он считал, что в процессе борьбы внутренних противоречий происходит уничтожение всего старого и отжившего свой век, что борьба внутренних противоречий

ведёт к возникновению нового, причём старое качество представляет собой лишь материал для нарождающегося нового.

Если Гегель рассматривал абсолютную идею как первоисточник всего сущего, а все явления природы и общества — как проявления духа и в конечном счёте сводил развитие абсолютной идеи к движению по кругу, где ничего нового не появлялось, то, по Герцену, развитие носит поступательный характер и каждый определённый момент жизни порождает всё новые и новые явления, причём эти новые явления включают в переработанном виде известный элемент старого.

Герцен говорил, например: «Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего, будто это развитие — внешняя подмостка, лишённая всякого внутреннего достоинства. Тогда история была бы оскорбительна, вечное заклятие живого в пользу будущего; настоящее духа человеческого обнимает и хранит всё прошедшее, оно не прошло для него, а развилось в него; бывшее не утратилось в настоящем, не заменилось им, а исполнилось в нём; проходит одно — ложное, призрачное, не существенное; оно, собственно, никогда и не имело бытия, оно мертворождённое, — для истинного смерти нет. Недаром дух человеческий поэты сравнивают с морем; он в глубине своей бережёт все богатства, однажды упавшие в него; одно слабое, не переносящее едкости солёной воды его, распускается бесследно».

Сравнивая наше человеческое сознание с морем, Герцен полагает, что в человеческом сознании ничто не пропадает из тех духовных ценностей, которые созданы человечеством. Но это вовсе не означает, что каждое новое открытие, каждая новая истина, каждое новое произведение есть повторение того, что уже однажды сделано. Новое обладает принципиально иными чертами и свойствами в сравнении со старым, но оно создаётся на основе старого, немислимо без использования старого. В этом состоит смысл движения вперёд от низшего к высшему, при котором используется и критически перерабатывается всё то положительное, что было накоплено в предшествующий период. Такова точка зрения Герцена, также оглядающаяся от точки зрения Гегеля.

Герцен считал, что наступление того или иного общественного порядка является закономерным и его существование не зависит от нашего желания или от нашей воли. Когда некоторые теоретики пытались изобразить дело так, что в обществе имеется много несовершенного и неправильного и что оно является промахом человечества, которого люди могли бы не допустить, Герцен, высмеивая подобные «теории», указывал, что «называть продукт истории, хотя бы он и устарел, политическим промахом, то же, что считать лягушку зоологическим промахом».

Но если тот или иной факт истории является закономерным и для соответствующего времени естественным, то, с точки зрения Герцена, нет и не может быть вечно идеального и неизменного порядка. Жизнь в природе вечно меняет свои формы. То же самое имеет место и в обществе. Борьба нового против старого закономерна и приводит к установлению нового строя, принципиально отличающегося от старого строя.

Из этого положения Герцена вытекала закономерность борьбы прогрессивных сил общества против старых, отживших порядков.

Если мы сравним политические выводы, которые сделали из своих философских систем Гегель, с одной стороны, и Герцен — с другой, то мы заметим две совершенно противоположных точки зрения. Гегель считал закономерной лишь борьбу в рабовладельческом и феодально-крепостническом обществе; что касается капитализма или того компромисса между капитализмом и старым феодальным строем, какой был в Германии, то его Гегель объявлял «венцом творения». В отличие от Гегеля Герцен в 40-х годах прошлого века, когда в России не было ещё капитализма, а на Западе капитализм ещё только утверждал своё господство, предвидел неизбежность его гибели. Он говорил: «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакой будущности. Она была минутно хороша, как отрицание, как переход, как противоположность, как отстаивание себя. Её сил стало на борьбу и победу, но сладить с победою она не могла... Наследник блестящего дворянства и грубого плебеизма, буржуа соединил в себе самые резкие недостатки обоих, утратив достоинство их. Он богат как вельможа, но скуп как лавочник».

Герцен предсказывал буржуазии такую же гибель, какая постигла рабовладельцев и феодальное дворянство.

Герцен считает закономерной и прогрессивной борьбу противоположных сил в обществе. Говоря о кровавой борьбе между трудом и капиталом, Герцен подчёркивает: «Что выйдет из этой крови? — Кто знает, но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему, — и это прекрасно, а потому: да здравствует хаос и истребление! Да здравствует смерть! И да водрузится будущее!»

Если Гегель и другие немецкие идеалисты считали, что установившиеся к тому времени европейские государства, особенно государство немецкое, представляют собой «венец творения абсолютной идеи», то Герцен уже в 40-х годах прошлого века, ещё не будучи заграницей, клеймит немецкое и другие буржуазные государства Европы как государства ограниченные, чуждые народу и подлежащие уничтожению. Ещё более

усилилось его отрицательное отношение к эксплуататорскому государству после отъезда в эмиграцию, когда после революции 1848 года он увидел кровавую расправу буржуазии над восставшим народом.

Гегель, а вслед за ним и русские гегельянцы утверждали, что абсолютный дух воплощается в той или иной одной нации и эта одна нация является носителем всех лучших качеств человечества. Немецкие идеалисты полагали, что этой богоизбранной нацией, в которой воплощается абсолютный дух, является немецкая нация, а русские гегельянцы типа Каткова считали, что воплощением абсолютной идеи является русская нация и что только ей присуща роль нового мессии, который придёт и спасёт человечество. Герцен же, несмотря на всю свою любовь к русскому народу, говорил, что нет никаких богоизбранных народов, что каждый народ способен развивать материальную и духовную цивилизацию человечества и вносить в неё свой вклад.

Решительно критикуя гегелевскую теорию «богоизбранности» народов, Герцен писал: «Нет народа, вошедшего в историю, которого можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных».

Он полагал, что одновременно не один народ, а много народов и даже, при благоприятных условиях, все народы могут создать богатейшие материальные и духовные ценности и обогащать своим совместным трудом общую культуру человечества.

Таким образом, у Герцена не только основоположения диалектики были другие, чем у Гегеля, но и социально-политические выводы из этих диалектических основоположений коренным образом отличаются от выводов Гегеля.

* * *

Материалистическое мировоззрение Герцена формировалось и разрабатывалось в острой критике немецкого идеализма.

В чём выразилась герценовская критика гегелевского идеализма и вообще немецкой идеалистической философии? Герцен прежде всего выступил против мистицизма немецких идеалистов, пытавшихся рассматривать все явления природы и общества как творения высшего разума, пренебрегавших природой и не желавших её изучать, считавших, что всё абсолютное находится в сфере духа и не может быть постигнуто людьми. Ополчаясь против догматизма немецких идеалистов, Герцен говорил: «Спросите их, как они слово «абсолютное» привязывают к развивающимся событиям, к сферам, которые своим движением вперёд доказывают свою неабсолютность».

Герцен решительно выступал против немецких идеалистов, которые хотели засушить вечнозелёное дерево жизни, отказаться от всякого изучения природы и общества, пользуясь заранее придуманными на все случаи жизни, готовыми формами познания.

Герцен выступал также против ограничения диалектического метода метафизической системой. Он говорил, что Гегель стремится ограничить свою диалектику, потому что он боится революционных выводов, которые надо сделать из диалектики.

«Гегель,— замечает Герцен,— подвизывал паруса своей философии, так гордо и свободно плывшей по морю логики, боясь далеко уплыть и быть захваченным шквалом».

Разбирая историю философии, Герцен в оценке тех или других мыслителей противопоставляет точке зрения Гегеля свою точку зрения.

Возьмите, например, оценку философии Декарта Герценом и Гегелем. Гегель сравнивает философию Декарта с землёй, при виде которой мореплаватель говорит: «Ну, мы теперь дома!» Герцен утверждает: «И мы скажем: «Берег», но в противоположном смысле. Для Гегеля это — берег, к которому приплывает мысль как к спокойной гавани, с которой начинается её царство. Мы, напротив, видим в новой философии берег, на котором мы стоим, готовые покинуть его при первом попутном ветре, готовые сказать: «Спасибо за гостеприимство» — и, оттолкнув его, плыть к иным пристаням».

Критикуя мистицизм, ограниченность и консерватизм гегелевской и всей немецкой идеалистической философии, Герцен обосновывает свою диалектику, являющуюся в полном смысле этого слова «алгеброй революции», из которой вытекает необходимость ниспровержения всех старых порядков и замены их такими порядками, которые соответствуют интересам и потребностям народных масс.

Для того чтобы развенчать мистицизм немецких философов-идеалистов, Герцен обращается в «Дилетантизме в науке» и в «Письмах об изучении природы» к материалистическим философским системам прошлого. Он высоко поднимает на щит древнегреческий материализм Гераклита, Демокрита, Эпикура и др. Разбирая новую философию, он высоко ценит материализм Бэкона, французских материалистов XVIII века, особенно ту часть их учения, где они доказывали, что нет никакого другого источника познания природы, кроме опыта.

Иногда из слов В. И. Ленина о том, что Герцен вслед за Фейербахом пошёл к материализму, делают вывод, что Герцен в вопросах философии стал чистым фейербахианцем.

Несомненно, что ознакомление Герцена с материализмом Фейербаха помогло Герцену утвердиться в материалистическом

мировоззрении. Но своё материалистическое мировоззрение Герцен начал вырабатывать в 30-х годах, будучи студентом университета. К началу 40-х годов материалистическое мировоззрение уже сложилось у Герцена; материалистические труды Фейербаха были написаны раньше, в 30-х годах, но Герцен с ними познакомился примерно в 1844 году, и они позволили ему убедиться, что в своих воззрениях он не одинок, что в том же направлении идёт философская мысль крупнейших мыслителей Запада.

В «Дилетантизме в науке» и в «Письмах об изучении природы» Герцен выступает в области философии как воинствующий материалист.

В чём же заключается воинствующий материализм Герцена?

Отстаивая материалистический принцип: материя — первична, а сознание — вторично, — Герцен решительно осуждает как открытый идеализм, так и расплывчатый немецкий дуализм кантовского типа. Герцен исходит из факта существования вещества вне человеческого сознания. Вещество — начало всего сущего — он всегда рассматривал как идентичное с материей. «Бесспорно, — говорит Герцен, — что события внешнего мира истинны, и неумение признать это со стороны идеализма — сильное доказательство его односторонности». Герцен полагает, что сознание человека является продуктом высокого развития материи, что было время, когда никакого сознания не было, хотя материя существует вечно, а ум человеческий возник на высокой ступени развития материи. «Сознание, — писал он, — вовсе не постороннее для природы, а высшая ступень её развития». Стало быть, история человеческого мышления является логическим продолжением и следствием развития природы.

В отличие от немецкого идеализма, который утверждал, что нельзя ставить вопрос о происхождении сознания, ибо, по его мнению, сознание всегда существовало, в отличие от механических материалистов — гилозоистов, которые полагали, что вся материя мыслит, — Герцен утверждал, что сознание существует не вечно, что способность к сознанию появляется у высокоорганизованной материи, что сознание есть продукт мозга.

Наконец, Герцен в противоположность агностицизму твёрдо верит в познаваемость мира. Он решительно отвергает всякие попытки поставить какие-то границы, какие-либо пределы человеческому познанию. Так например, когда отдельные естествоиспытатели, прежде чем начать что-либо исследовать, хотя заранее определить, до каких границ распространяется их познание о вещах, Герцен решительно возражает против этого агностического ограничения. Он пишет: «Вероятно, вы замеча-

ли, с какой поспешностью естествоиспытатели предупреждают о пределах своего воззрения, как бы страшась услышать вопросы, на которые они отвечать не могут; но такого рода границы несостоятельны; поставленные личной волей, они столько же внешни предмету, сколько забор, поставленный правом собственности, чужд полю, на котором стоит».

Таким образом, и в вопросе о познаваемости мира Герцен стоит на позициях материализма, решительно отвергая малейшие попытки вдаваться в агностицизм.

Вместе с тем Герцен выступал против механистического материализма XVII—XVIII веков.

Он говорит, что некоторые материалисты хотят свести высшие формы к низшим, пытаются мысль рассматривать как механическое движение или химический процесс. Герцен критикует их за то, что они принижают активную роль разума и считают человеческий организм страдательным существом, способным лишь к пассивному фотографированию того, что совершается во внешнем мире и действует на человека.

Механистический материализм неправильно полагает, будто всё в природе и обществе настолько фатально предопределено, что для деятельности человека, его воли, поступков почти не остаётся никакого места.

Герцен осуждал механический материализм за недооценку роли разума, за утверждение, будто для познания природы достаточно одной деятельности наших чувств, будто историческая необходимость действует столь определённо и безошибочно, что никакая наша субъективная деятельность не может изменить этой исторической неизбежности.

Выступая против «материализма», Герцен имел в виду ползучий эмпиризм, которым нередко грешили естествоиспытатели его времени. Он требовал, чтобы его материалистические воззрения не смешивали с механическим материализмом. Вот почему свою философию он нередко называет реалистической философией.

В «Письмах об изучении природы», в «Дилетантизме в науке» и во многих других работах Герцена мы находим замечательные мысли о соотношении философии и естествознания, созвучные тем, которые впоследствии были высказаны Энгельсом в «Анги-Дюринге» и в его «тетрадах», опубликованных затем под общим названием — «Диалектика природы». В своих работах Герцен нападает на тех естествоиспытателей, которые не считают нужным заниматься историей науки, историей философии, полагаясь исключительно на собственный эмпирический опыт. Герцен говорит, что естествоиспытатели нередко не видят связи между тем, что они изучают, и всей остальной

природой; в результате этого они впадают в какую-нибудь односторонность. Естествоиспытатели нередко пренебрегают также формой и методом исследования, думая, что каждый может выбрать любой метод изучения, соответствующий его вкусам.

На самом деле метод исследования, полагает Герцен, — это эмбриология истины, закон научного мышления.

Герцен недвусмысленно подчёркивает, что единственно верным методом является диалектический метод. Он утверждает, что никакой естествоиспытатель не может обойтись без теоретических выводов из своего опыта и наблюдений. По мысли Герцена, достоинство науки и назначение учёного состоят в вечном дерзании, в том, чтобы неуклонно двигаться вперёд.

Герцен призывал естествоиспытателей покончить с таким положением, когда между философией, с одной стороны, и естествознанием — с другой, воздвигается непроходимая пропасть. Он горячо призывал философов и естествоиспытателей работать на поприще науки совместно. Если этого не произойдёт, если между ними будет антагонизм, то «философия, — говорит Герцен, — погрязнет в абстракциях, а положительные науки затеряются в бездне фактов». Герцен был прав, когда заявлял, что «философия без естествознания также невозможна, как естествознание без философии».

Но если Герцен выступает против механистического материализма, то он не становится ещё окончательно диалектическим материалистом. Он, по выражению Ленина, только вплотную подошёл к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом. После того как Герцен уехал за границу, всё его внимание было занято делом создания вольной русской прессы; он не имел уже возможности заниматься естествознанием и обобщать новейшие открытия в этой области. Он стоял в стороне от современного ему западноевропейского рабочего движения. Всё внимание, все свои взоры и надежды он обратил на крестьянскую Россию и долгое время не понимал, что именно рабочему классу, а не крестьянству принадлежит всемирноисторическая роль в деле создания социалистического общества. Это помешало Герцену стать диалектическим материалистом. Но если Герцен не закончил своего философского пути диалектическим материалистом, то он оставил далеко позади себя всех идеалистов и весь домарксовский материализм, в том числе и материализм Фейербаха.

В чём же преимущество философии Герцена в сравнении с философией Фейербаха? Философия Герцена оплодотворена диалектической идеей развития. Отсюда вытекают необходимость и закономерность изменения всех старых, отживших форм природы и общества. Этого не было у Фейербаха.

В отличие от философии Фейербаха материализм Герцена свободен от религиозно-этических наслоений. Для Герцена не

существует ничего потустороннего и сверхъестественного. Для него нет таких человеческих отношений, которые нужно было бы обожествлять и боготворить. Известно, что Фейербах пытался создать некоего «внутреннего бога», обожествлять любовь, справедливость, дружбу и другие человеческие отношения. В отличие от созерцательной философии Фейербаха материализм Герцена носил творческий, преобразовательный характер. Герцен считал бедой своего времени разрозненность теоретических положений и практических действий. «Новый век», — говорил он, — требует совершить революционный переворот в действительном мире событий». В другом месте он писал: «Мысль без дела мертва, как вера. Чем больше мысль расходится с жизнью, тем она становится суше, холоднее, безрадостнее, ненужнее. Германия служит нам примером и угрозой такого расхождения мысли и дела».

Герцен совершенно справедливо считал, что в истории общества соединение теории и практики совершается посредством революции.

Логическим выводом из материализма Герцена был его призыв к прогрессивным слоям общества о необходимости открыто противодействовать старому и всемерно содействовать водворению нового, — т. е. о революционном низвержении старых порядков и установлении новых общественных отношений. И в этом отношении материализм Герцена коренным образом отличается от созерцательного материализма Фейербаха и его «примирительной проповеди всеобщего похмелья». «Требуйте, — писал Герцен в книге «С того берега», — вместо любви к человечеству ненависти ко всему, что мешает развитию, что валяется на дороге и мешает идти вперёд. Пора перевязать всех врагов развития и свободы одной верёвкой, как они перевязывают колодников».

* * *

В области социально-политических воззрений Герцен прошёл весьма сложный путь, путь поступательного движения вперёд. До 1848 года Герцен ещё не был революционером-демократом; он стоял ещё на просветительской точке зрения. В то время Герцен считал, что с уничтожением крепостничества будет достигнуто счастье и благоденствие всего народа. Но уже в этот первый период своей деятельности он полагал, что идеальным общественным строем будет строй социалистический, хотя ясного представления о социализме и путях его достижения у него не было. Справедливость, однако, требует отметить, что Герцен тогда уже понимал, что западноевропейские социалисты-утописты хотя и были полны желаний общего блага и любви к народу, но не знали, как «навести мосты из теории в действительную жизнь, из стремления в приложение». Герцен сам не находил этого пути и до своего отъезда загра-

ницу в 1847 году ожидал, что социализм и демократия придут в Россию с Запада. Революция 1848 года изменяет взгляды Герцена на западноевропейскую цивилизацию и капитализм. Герцен видит, что буржуазная революция не принесла истинного счастья и благоденствия народу, а буржуазия, пришедшая к власти, отворачивается от народа и начинает его преследовать. «Буржуазия,— говорит Герцен,— явилась на сцене самым блестящим образом в лице хитрого, увёртливового, шипучего, как шампанское, цирюльника и дворецкого, словом, в лице Фигаро... Теперь его бог благословил всеми дарами земными, он обрюзг, отяжелел, ненавидит голодных и не верит в бедность, называя её ленью и бродяжничеством... Чернь победила, и Фигаро выгнал её в три шеи с площади и поставил национальную гвардию с полицией у дверей, чтобы не пускать сволочь... Фигаро стал аристократом — граф Фигаро-Альмавива, канцлер Фигаро, герцог Фигаро, пэр Фигаро».

После 1848 года Герцен становится решительным врагом буржуазии и поборником социализма. Вместе с этим меняет свои формы и его демократизм. Если до 1848 года его демократизм носил просветительский, надклассовый характер, если он считал, что предстоящая революция должна принести счастье и свободу всем слоям общества, независимо от классовой принадлежности, что власть должна принадлежать всем классам общества, в том числе и буржуазии, то после 1848 года его демократизм становится мелкобуржуазным, крестьянским, демократизмом. Он является уже сторонником сосредоточения всей власти в руках крестьян, ремесленников, работников,— одним словом, в руках трудящихся масс.

Герцен не перестаёт верить, что крепостничество и капиталистический порядок должны быть заменены социалистическим строем. Но он не выделяет пролетариата из общей массы угнетённого населения, не видит той всемирноисторической роли, какая выпадает на долю пролетариата. Какой же социализм проповедует Герцен? Это новая разновидность утопического социализма, русский крестьянский социализм, смысл которого состоит в том, что Россия имеет возможность миновать капиталистическую стадию развития, используя после уничтожения крепостничества крестьянскую общину и артельное хозяйство для осуществления перехода к социалистическим формам жизни. Этот социализм Герцена, конечно, носил утопический характер, ибо, естественно, крестьянская община не могла стать сама по себе материальной базой социализма.

Но, возлагая огромные надежды на общину, Герцен вовсе не собирался её увековечить. Утверждая возможность создания в России социализма на основе крестьянской общины, он вместе с тем предлагал уничтожить крепостничество, раздать безвозмездно землю крестьянам, установить в стране демокра-

тическую власть. Герцен ратовал за то, чтобы развивать в стране отечественную промышленность, торговлю, просвещение, развивать производительные силы как в городе, так и в деревне, насаждать в стране новые школы и высшие учебные заведения. Если бы такая программа могла осуществиться, если бы в тогдашней России нашлись силы, способные её осуществить, то Россия быстро начала бы идти по так называемому «американскому» пути развития капитализма, ликвидируя феодальные пережитки. Это было бы огромным прогрессом в сравнении с феодальным строем и сравнительно быстро привело бы к созданию материальных условий, посредством которых можно было бы в дальнейшем осуществить переход к социализму. Это прежде всего привело бы к созданию в России рабочего класса, который мог бы осуществить этот переход. Но Герцен рассчитывал не на это; он думал, что можно непосредственно перейти от сельской, крестьянской общины к социализму. Справедливость требует отметить, что у Герцена речь шла о дореформенной общине, которая хотя и испытывала некоторое влияние капиталистических отношений, но ещё не разложилась на кулачество, середняков, бедноту и батраков. Тем не менее, в теоретическом отношении взгляд Герцена на сельскую общину как на основу социализма был ошибочным, утопическим взглядом. Россия могла в то время миновать стадию капиталистического развития, и община могла бы содействовать переходу к социализму лишь при одном условии: если бы крестьянская революция в России соединилась с пролетарскими революциями в капиталистических странах Запада, если бы можно было сельское хозяйство в России преобразовать на социалистической основе при помощи производительных сил, находящихся в руках западноевропейских рабочих. В этих условиях наличие крестьянской общины не служило бы таким тормозом социалистического преобразования, каким явилось бы существование капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Но этого не случилось, и поэтому Россия не обладала данными для перехода к социализму через крестьянскую общину.

В отличие от западноевропейских социалистов-утопистов, мечтавших о мирном переходе к социализму, революционный демократ Герцен полагал, что социализм в России может быть достигнут только посредством народной революции. Правда, Герцен не сразу пришёл к такому выводу. Даже в 50-х годах, уже после революции 1848 года, у Герцена были некоторые либеральные иллюзии, выразившиеся в надеждах на то, что образованное дворянство добровольно уступит крестьянам землю и вынудит царское правительство отдать власть народу. Следует отметить, что и в это время, в 50-х годах, проявляя либеральные иллюзии, Герцен вместе с тем решительно выступал как

против западноевропейских буржуазных либералов, скатившихся в лагерь контрреволюции и желавших во что бы то ни стало сохранить строй капиталистической эксплуатации, так и против идеологов русского помещичье-буржуазного либерализма, неспособных ни к каким решительным действиям и хлопотававших перед царизмом и крепостниками. Когда же в России, в конце 50-х годов, возникла революционная ситуация, когда народ начал выступать против крепостничества, положение коренным образом изменилось. Герцен понял, что никакими мольбами, просьбами, угрозами невозможно подействовать на дворянство и царское правительство. С начала 60-х годов Герцен стал последовательным и боевым революционным демократом, смело звавшим народ на демократическую революцию против царя, помещиков и всех эксплуататоров живших за счёт угнетения народа.

* * *

Что же лежало в основе герценовских взглядов на социализм? Что влекло Герцена на борьбу за социализм в России?

Прежде всего исторический оптимизм и вера в народ как движущую силу истории.

Уже в 1842 году Герцен говорил: «Вера в будущее — наше благороднейшее право, наше неотъемлемое благо; веруя в него, мы полны любви к настоящему. И эта вера в будущее спасёт нас в тяжёлые минуты от отчаяния; и эта любовь к настоящему будет жива благими деяниями».

Герцен верил, что народные массы, не довольствуясь жалкими реформами и лживыми фразами буржуазных либералов, своей борьбой против старых, отживших порядков выведут свою родину на широкую дорогу исторического развития, на путь свободы и счастья. «Человечество, — писал Герцен, — не пойдёт узким грязным просёлком — ему надо бы широкую дорогу. Для того, чтобы расчистить её, оно ничего не пожалеет».

Герцен верил в творческие силы русского народа, в великое будущее России. Все свои силы, свой талант и знания Герцен посвятил служению России и русскому народу. Поэтому он имел все основания писать о себе: «Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу; я работаю для него, он работает во мне, и это — вовсе не историческая реминисценция, не слепой инстинкт и не кровная связь, а следствие того, что я, сквозь кору и туман, сквозь кровь и зарево пожаров, сквозь невежество народа и цивилизацию царя, вижу огромную силу, важный элемент, вступающий в историю рядом с социальной революцией, к которой старый мир пройдёт волей-неволей, если он не хочет погибнуть или ожестенеть».

Даже тогда, когда Герцен ошибочно полагал, что к социализму быстрее должен прийти русский мужик, чем западный

рабочий, он исходил из благородных побуждений. Он полагал, что силы русского народа столь велики, что русский народ в состоянии уничтожить старый строй и создать новый строй. Он писал:

«Мне кажется, что в русской жизни есть нечто, более возвышенное, чем община, и более сильное, чем власть; это «нечто» трудно выразить словами и ещё труднее указать на него пальцем. Я говорю о той внутренней, не вполне сознающей себя силе, которая так удивительно поддерживала русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным кнутом татарина и западной розгой кашрала,— я говорю о той внутренней силе, благодаря которой, несмотря на унижительную дисциплину рабства, русский крестьянин сохранил открытое красивое лицо и живой ум, и которая на императорский приказ ввести цивилизацию ответила, спустя столетие, колоссальным явлением Пушкина; я говорю, наконец, о той силе и той вере в себя, которые волнуют нашу грудь. Сила эта, независимо от всех внешних случайностей и несмотря на них, сохранила русский народ и покровительствовала его непоколебимой вере в себя. Зачем? Это выяснит время».

Вера в творческие силы русского народа была основой социалистического учения Герцена. Если Герцен стремился к тому, чтобы Россия миновала стадию капиталистического развития, то при этом он руководствовался благородными стремлениями избавить русский народ от необходимости проливать свою кровь для достижения «полурешений», для достижения такого строя, как капитализм, который не даёт настоящего решения социального вопроса и увековечивает угнетение, придавая ему новую форму.

Герцен верил, что социализм — не просто желание, не просто идея, а такое общественное движение, которое несмотря ни на какие преграды и преследования восторжествует. Эта вера в наступление социализма, несмотря на ошибочность теоретических взглядов Герцена, вдохновляла несколько поколений русского общества на борьбу против царского самодержавия и дворянства.

Необходимо обратить внимание ещё на одну сторону социально-политических взглядов Герцена — на его интернационалистическую проповедь братства народов.

Как революционный русский демократ и убеждённый социалист, Герцен боролся за свободу и счастье русского народа. «Вера в Россию,— писал Герцен,— спасла меня на краю гибели». Но Герцен не страдал ни национальной ограниченностью, ни славянофильским бахвальством, ни тем более панславизмом, в котором его иногда несправедливо обвиняли.

Осуждая представителей «официальной народности» и панславистов, пытавшихся увековечить крепостническо-патриар-

хальную отсталость России, и буржуазных космополитов, готовых превратить Россию в придаток капиталистической Европы, Герцен писал: «Славянизм и европеизм — представляют негодные, неприлагаемые к жизни чужие формы для уловления нашей жизни; они её меряют по другим эпохам, по иным мирозозерцаниям; ни загробный голос праотцов, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне».

Для Герцена как революционного демократа характерна прежде всего ненависть к шовинизму и расизму. Серьёзной уничтожающей критике со стороны Герцена подвергались шовинизм и расизм немецких реакционеров. Герцен писал, например, что Германия хотела бы огнём и мечом установить всемирное первенство, что космополитические фразы немцев о якобы всемирноисторическом значении немецкой культуры и немецкого государства прикрывают собой самый беззащитный шовинизм и национализм немецкой реакции. Разоблачая претензию немецких реакционеров на государственное и культурное руководство Россией, он писал: «Немецкая партия не представляла цивилизацию, а русская — невежество... Немцы, с своей стороны, были далеки от изображения собой прогресса; без всякой связи со страной, которую они не трудились изучать и презирали, как варварскую, высокомерные до наглости, они были самыми раболопными орудиями императорской власти. Они вносили в дела антипатичные русским манеры, бюрократический, формалистский и дисциплинарный педантизм, совершенно противный нашим нравам».

Герцен критиковал не только немецкий шовинизм; он ополчался также на царский панславизм. Когда панслависты, окружавшие царский трон, пропагандировали создание Славяно-Византийской империи под скипетром русского царя, когда они доказывали, что русский народ — народ богоизбранный, призванный своим мечом возродить дремлющую Европу и установить в Европе своё владычество, Герцен решительно выступал против подобной точки зрения.

Герцен предупреждал славянские народы, что над ними нависла угроза немецкого порабощения, и указывал, что без России нет будущности для славянского мира. «Солидарность, — писал Герцен в статье «Русский народ и социализм», — связывающая Россию и Польшу между собою и со всем славянским миром, не может быть отвергнута: она очевидна. Ещё более: вне России нет будущности для славянского мира; без России он не разовьётся, — он расплывётся и будет поглощён германским элементом; он сделается австрийским и потеряет свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнению, его судьба, его назначение».

Герцен понимал общность славянства, его исторических судеб, его культуры, понимал, что славянам нужно быть едины-

ми, чтобы бороться против посягавших на их свободу и независимость немецких, австрийских, турецких и иных захватчиков. Но эта славянская общность, по мнению Герцена, должна быть достигнута на основе равноправия народов, на основе предоставления каждому народу права по-своему устраивать свою жизнь. Неслучайно Герцен поддерживал и вдохновлял польское национально-освободительное движение, приветствовал национально-освободительное движение болгарского, сербского, чешского народов и идейно вдохновлял их на борьбу против чужеземного владычества. Герцен решительно выступал против попыток правящих классов тогдашней России навязать своё господство славянским народам.

Для Герцена характерно сочетание чувства русской национальной гордости с мечтой о свободе и счастье человечества в целом. Поэтому он решительно выступал против попытки тех или иных реакционных империалистических кругов навязать своё господство другой стране. Он осуждал великодержавную политику царизма в отношении Польши и славянских народов на Балканах. Он осуждал колонизаторскую политику немецких и австрийских милитаристов в Венгрии и Италии. Он писал: «Немецкие публицисты выдумали для австрийской империи всемирноисторическое призвание: оно, видите ли, именно состоит в образовании полудикого юго-востока Европы. Но какое значение имеет австрийская цивилизация и что она сделала, кроме того, что ввела ту же полицию и те же наказания во все страны? Ну, если не в политическом, то в торговом, в экономическом отношении?.. Королевско-имперская цивилизация состоит в постоянном гнёте и в онемечивании. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотят вовсе образоваться в немцев. Между ними и немцами лежит то несходство характеров, по которому разводят мужа с женою. Мы знаем, что значит насильно образовывать,— это одна из гибельнейших идей, в силу которой бездушной дрессировке и фельдфебельской выправке даётся вид благоденствия. Маленьких детей не гоняют больше в школу розгой. Замечательная вещь, что вообще германский мир, школьный и учёный по преимуществу, очень плохой образователь подавленных им народов. Стоит взглянуть на эстов и латышей в остзейских провинциях, чтобы убедиться в этом...»

Герцен подчёркивает, что несмотря на попытки немцев под видом распространения «культуры» колонизировать и подчинить своему влиянию другие народы им это не удастся.

Герцен неоднократно отмечал выдающуюся роль и значение русского народа в борьбе за спасение мировой цивилизации. Он показывал, что русский народ не раз спасал мир и мировую цивилизацию — и от татарско-монгольского нашествия, и — в 1812—1815 годах — от наполеоновского порабощения, так как

в случае победы Наполеона в Европе не существовало бы самостоятельных национальных государств, под пятой наполеоновского милитаризма европейские народы были бы лишены возможности развивать свою национальную государственность и культуру.

«Всё то, что ставится так дорого другим народам,— писал Герцен,— России не было зачтено ни во что, или, хуже, послужило ей же в обвинение: ни то, что она уцелела под татарским игом, ни то, что втихомолку выросла и сложилась в огромное государство, отбивавшееся от всех соседей, и сохранившее свою самостоятельность; ни её 1612, ни её 1812 год».

Герцен показывал, что в этой попытке замолчать все достижения, всю роль, все заслуги, которые имела Россия в спасении мировой цивилизации, принизить и оклеветать её, состоял один из приёмов немецких реакционеров. Вопреки этому Герцен призывал показать Европе Россию такой, какая она есть.

«Пора,— писал Герцен в книге «С того берега»,— действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает правительство, наш фасад и больше ничего... Пусть она узнает ближе народ, которого отроческую силу она оценивала в бою, где он остался победителем; расскажем ей об этом мощном и неразгаданном народе, который втихомолку образовал государство в шестьдесят миллионов, который так крепко и удивительно разросся... об народе, который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским, который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнётом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина».

Как в этих словах, так и во всём творчестве и практической деятельности Герцена мы видим проявление истинного патриотизма, подлинную любовь к своему народу и вместе с тем уважение к правам других народов.

* * *

В своём дневнике Герцен писал: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования. А между тем наши страдания — почка, из которой разовьётся их счастье».

Грядущие поколения высоко оценили труд Герцена. Из поколения в поколение передовые русские люди вдохновлялись теми образцами служения народу, которые показывал Герцен и его соратники. Всё, что было ошибочным и преходящим в мировоззрении Герцена, изжило себя, но непреходящим и бессмертным осталась любовь русского народа к своим великим

освободительным традициям и традициям передовой русской культуры, которые в течение 40 лет развивал А. И. Герцен.

Рабочий класс России во главе с марксистской партией воспринял лучшие традиции Герцена и других русских революционных демократов. Впервые в истории рабочему классу нашей страны во главе с марксистской партией Ленина—Сталина удалось осуществить социалистический общественный строй и демократический политический порядок, о котором мечтал и за который боролся Герцен.

В дни Великой Отечественной войны наша страна и прежде всего русский народ явили всему миру образец борьбы за спасение мировой цивилизации, демократических свобод и национальной независимости народов от фашистских варваров, поставивших перед собой подлую и коварную цель — порабощения народов мира, разрушения их культуры и государственности.

В знаменательные дни исторической победы нашего оружия мы вновь обращаемся к славной памяти великого русского мыслителя, который высоко пронёс русское имя через поколения и прославил наш народ своими бессмертными трудами.

Революционная и творческая деятельность Герцена, как и деятельность Белинского, Чернышевского и Добролюбова, произвела в 40—60-х годах прошлого века идейную революцию в России. Горячо отстаивая и пропагандируя революционно-демократические и социалистические идеи, материализм, диалектику и атеизм, неустанно борясь с реакцией и контрреволюцией, Герцен вместе с другими великими революционными демократами подготовил передовые умы русской интеллигенции к восприятию идей марксизма, явился одним из виднейших предшественников русской социал-демократии.

Герцен сыграл выдающуюся роль в идейной подготовке русской революции. Определяя историческое место Герцена в развитии революционного движения в России, В. И. Ленин писал:

«Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащённый этими уроками, пролетариат пробьёт себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путём обращения к массам с в о л ь н ы м р у с с к и м с л о в о м»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 469.

Цена 1 р. 25 к.